

О.Б. Коренная

**ЛОГИКО-ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НЛП
В ПРОЦЕССЕ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ**

В статье рассматривается вопрос о возможности использования приемов и методов нейролингвистического программирования в судопроизводстве с участием присяжных заседателей.

Ключевые слова: нейролингвистическое программирование, ораторское искусство, образное восприятие, лингвистическая карта, визуальная система, аудиальная система, антитеза, градация, рефрейминг.

**LOGICAL-ETHICAL ASPECTS OF THE USE OF NLP
IN TRIAL BY JURY**

The article discusses the possibility of using techniques and methods of neuro-linguistic programming in legal proceedings with jurors.

Key words: neuro-linguistic programming, oratory, imaginative perception, linguistic map, visual system, audio system, antithesis, gradation, reframing.

Не так давно всю российскую общественность потрясло событие, связанное с делом Димы Яковлева. Дима родился в 2006 г. Он воспитывался в интернате для детей с нервными и психическими отклонениями в Псковской области. В 2008 г. его усыновил американец МайлсХаррисон. В феврале 2008 г. мальчика отдали чете Харрисон, а те отвезли ребенка в город Херндон под Вашингтоном. В июле того же года отец малыша МайлсХаррисон вез Диму в ясли. Но глава семейства так спешил на работу, что не довез его до яслей и забыл мальчика в машине. Когда отец Димы Яковлева вернулся к своему автомобилю, он обнаружил бездыханное тело приемного сына. Машина Харрисона целый день простояла на солнцепеке. Из-за палящего солнца и выключенного кондиционера температура воздуха в салоне поднялась до 50 градусов. Дима Яковлев умер от перегрева.

Отец мальчика предстал перед американским судом. В декабре 2008 г. суд оправдал МайлсаХаррисона. Конечно, чудовищно. Самый главный вопрос, который волновал всех, как и почему отец приемного ребенка был оправдан? Но мало кто знает, что дело Димы Яковлева рассматривалось в суде с присяжными заседателями. Надо полагать в процессе участвовал грамотный защитник, который смог убедить присяжных в непреднамеренности совершенного деяния.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации 2001 г. в разделе XII закрепил особенности производства в суде с участием присяжных заседателей. Первоначально предусматривалось, что суд с участием присяжных заседателей будет функционировать на всей территории РФ с 1 января 2003 г. (федеральный закон от 18 декабря 2001 г.), но в связи с трудностями, возникшими при решении этого вопроса, сроки неоднократно изменялись. В настоящее

время суды присяжных функционируют в 88 регионах России. Особенностью является то, что присяжные решают возложенные на них законом задачи, действуя самостоятельно и отдельно от профессиональных судей, основываясь прежде всего на тех чувствах, эмоциях, доверии и понимании, которые сложились у них в ходе судебного процесса по отношению к его участникам. Перед коллегией присяжных ставится три вопроса, на которые она отвечает отдельно от профессионального судьи: 1) доказано ли, что деяние имело место; 2) доказано ли, что это деяние совершил подсудимый; 3) виновен ли подсудимый в совершении этого деяния.

В ходе судебного заседания с участием присяжных заседателей для участников процесса – прокурора и адвоката – суд становится основной трибуной. Совершенно разные по характеру речи произносятся в судебном заседании без участия присяжных заседателей. В присутствии одного или в некоторых случаях трех профессиональных судей применяемые судебным оратором приемы не всегда целесообразны. Присяжные же – это совсем другая аудитория. Здесь судебный оратор должен показать все свое умение: умело использовать в своей речи эмоциональные краски, образные выражения, разнообразные приемы, соединить в единое целое логику, психологию и риторику. Задача трудная, но вполне разрешимая.

Из истории мы знаем, что в России суд присяжных был введен в 1864 г. в ходе судебной реформы, основанной на принципах гласности. Вслед за реформой появилась целая плеяда выдающихся судебных ораторов: А.Ф. Кони, В.Д. Спасович, К.К. Арсеньев, П.А. Александров, А.И. Урусов, Ф.Н. Плевако, Н.П. Карабчевский и многие другие. Судебные речи привлекали внимание общественности, поскольку в них поднимались вопросы, волнующие всех и каждого, тревожащие умы и чувства. Именно суд присяжных дал толчок для развития судебного красноречия. И сегодня, с возвращением института суда присяжных, думается, можно и должно ожидать нового всплеска судебного ораторского красноречия и появления интересных представителей этого искусства.

На новом этапе развития судебного красноречия открываются и новые возможности. Одной из таких возможностей можно считать использование сторонами судебного процесса НЛП (нейролингвистического программирования). В своей основе НЛП – направление прикладной психологии, которое изучает структуру субъективного опыта успешных людей, достигших выдающихся результатов в определенной области деятельности, в целях лучшего понимания и моделирования процессов, которые способствуют совершенствованию личности. Задача НЛП состоит в попытке ответить на вопросы: как наиболее успешные люди в разных сферах деятельности достигают выдающихся результатов и могут ли быть смоделированы их образ мыслей, их поведение – вербальное и невербальное. НЛП утверждает, что если хотя бы один человек умеет что-либо делать эффективно, то этому могут научиться и другие. В практическом аспекте НЛП – искусство и наука о личном мастерстве, результат исследования того, как выдающиеся люди в различных областях деятельности достигали блестящих результатов в процессе общения. Майкл Холл, которого принято считать классиком НЛП, считает, что главный секрет магических способностей и силы воздействия всех магов – магов психотерапии, магов менеджмента, магов воспитания, магов политики и т.д. – заключается в том, что все они тем или иным способом, при помощи притч, мифов, различных техник и моделей, вызывают изменения нейролингвистических карт своих слушателей. В основе нейролингвистической карты (ментальной, или внутренней модели мира), на которую опирается человек при принятии практических решений, лежат сенсорный опыт, основанные на нем представления об окружающем мире и конкретной ситуации. НЛП представляет собой социальную технологию, ориентированную на влияние посредством коммуникации. Таким образом, в суде присяжных разработанная НЛП технология влияния может использоваться для эффективного решения всех задач, связанных с процессом убеждения присяжных заседателей. П.С. Пороховщиков

в работе «Уголовная защита» подчеркивал, что присяжные, как и все люди, судят не по тому, что есть в действительности, а по тому, что представляется им в этой действительности [6, с. 241].

Один из самых эффективных способов нейролингвистического программирования сознания и поведения слушателей, склонения их к мнению оратора – формирование и актуализация в сознании слушателей при помощи образной речи и других риторических приемов, определенных чувственно-наглядных, образных представлений, которые подкрепляют позицию оратора, направляют воображение, мышление и чувства слушателей в нужную для дела сторону, подталкивают их к принятию соответствующего решения. Об этом говорил еще А.Ф. Кони в своей рецензии на книгу П. Пороховщикова «Искусство речи на суде»:

«Всякое живое мышление, обращенное не на отвлеченные предметы, определяемые с математической точностью, как, например, время или пространство, непременно рисует себе образы, от которых отправляется мысль и воображение или к которым они стремятся. Они властно вторгаются в отдельные звенья целой цепи размышлений, влияют на вывод, подсказывают решимость... Жизнь постоянно показывает, как последовательность ума уничтожается или видоизменяется под влиянием голоса сердца. Но что же такое этот голос, как не результат испуга, умиления, негодования или восторга перед тем или другим образом. Вот почему искусство речи на суде заключает в себе умение мыслить, а следовательно, и говорить образами» [5, с. 351].

Таким образом, умение мыслить и говорить образами – это не самоцель, а средство управления умами и сердцами слушателей, эффективный способ нейролингвистического программирования их сознания и поведения. Гений А.Ф. Кони предвосхитил современный нейролингвистический подход к судебному ораторскому искусству как системе приемов нейролингвистического программирования в связи с состязательной особенностью судопроизводства. Основная задача судебного оратора – при помощи образной речи и других приемов риторики нейролингвистически программировать поведение и сознание слушателей, вызывать у них в сознании полезные для убеждения чувственно-наглядные, образные представления. Нельзя, конечно, исключать, что эти же приемы могут быть использованы ораторами и для искажения действительности и введения, таким образом, слушателей в заблуждение, но это неизбежная оборотная сторона медали. Об этом хорошо сказал С. Пороховщиков в своей работе «Искусство речи на суде». Он подчеркивал, что «в Новое время... риторика и ее средства стали рассматриваться как способ обмана, а изучение риторических приемов с точки зрения научной этики стало выглядеть как своего рода потворство злу. Но необходимо в то же время понимать, что использование языка как средства негативного воздействия на сознание слушателя является частным приемом аргументации, который применяется наряду с другими средствами изменения моделей мира у партнеров по общению» [5, с. 30-31].

В то же время он говорил о важности отличия когнитивного подхода к аргументации от традиционного логического подхода. В логической традиции аргументацию связывают с истинностью. Аргумент – это демонстрация истинности логического вывода. В когнитивном подходе аргумент – это текст, изменяющий модель мира реципиента таким образом, чтобы повлиять на процесс принятия им решения [5, с. 31].

В используемых судебными ораторами для аргументации своей позиции приемах риторики и других приемах нейролингвистического программирования сознания и поведения слушателей традиционный логический подход сочетается с когнитивным подходом к аргументации. Текст речи, ее композиция, логическая структура, применяемые при произнесении речи риторические приемы нацелены на изменение внутренних моделей мира присяжных заседателей и председательствующего судьи таким образом, чтобы повлиять на процесс принятия ими решения по вопросам, относящимся к их компетенции.

Необходимо отметить наиболее важное условие эффективного влияния на людей в процессе коммуникации. Оно заключается в обогащении, расширении и изменении их сенсорного опыта, которым слушатели руководствуются и который лежит в основе их внутренней модели мира. Информация должна передаваться одновременно по различным сенсорным каналам (репрезентативным системам). В теории НЛП в зависимости от сенсорного канала, по которому информация поступает и перерабатывается в мозгу, выделяют три основные репрезентативные системы: визуальную (зрительную), аудиальную (слуховую) и кинестетическую. Кинестетическая в свою очередь включает внешнюю кинестетику (тактильные ощущения прикосновения, ощущения температуры и влажности и др.) и внутреннюю кинестетику (вспоминаемые чувства, эмоции, ощущения мышечных движений и др.).

В ходе судебного процесса с участием присяжных заседателей судебному оратору (обвинителю или защитнику) необходимо убеждать слушателей по всем сенсорным каналам, представляя им чувственно ориентированные доказательства. Эту возможность дает использование образной речи. В речи судебного оратора должны естественным образом сочетаться все возможные выразительные средства: метафоры, сравнения, образные выражения, антитезы, анафоры, эпитеты, градации и т.д. Целенаправленное использование оратором образов, риторических фигур и интонационной выразительности речи для управления познавательными и эмоционально-волевыми процессами слушателей с целью формирования и изменения их взглядов и убеждений по обсуждаемым вопросам – все это нейролингвистическое программирование. В процессе публичного выступления задача оратора заключается в том, чтобы его мысли и чувства превратились в мысли и чувства слушателей.

«Речь, составленная из одних рассуждений, не может удержаться в голове людей непривычных; она исчезает из памяти присяжных, как только они прошли в совещательную комнату. Если в ней были эффектные картины, этого случиться не может. С другой стороны, только краски и образы могут создать живую речь, то есть такую, которая могла бы произвести впечатление на слушателей... Речь, украшенная образами, несравненно выразительнее простой» [5, с. 70-71].

Великие судебные ораторы второй половины XIX в. оставили нам неоценимое наследие, на котором можно и должно учиться. Конечно, они не предполагали, что занимаются нейролингвистическим программированием, просто любили свое дело, делали его добросовестно и с большой самоотдачей, пропуская каждое дело, каждую речь через себя, через свое сердце. Именно они предвосхитили своими образными речами развитие НЛП. Тогда эти приемы назывались риторическими, а книга П. Пороховщикова считается основой «исследования условий судебного красноречия и установления его методов» [5, с. 343].

П.С. Пороховщиков учил: «Не бойтесь взволноваться, но вздумайте в свое чувство, знайте в точности, как должно назвать его: негодованием или презрением, гневом или отвращением, уважением или симпатией; знайте, где родилось оно, в каком именно элементе процесса: в личности или в факте» [5, с. 315].

Приведем несколько примеров приемов нейролингвистического программирования в речах судебных ораторов прошлого.

Вот Ф.Н. Плевако произносит речь в защиту П. Качки, обвиняемой в убийстве Байрашевского. На протяжении всей речи Федор Никифорович целенаправленно использует лексику, близкую к русскому фольклору, чтобы передать состояние и тяжелую сиротскую долю обвиняемой: «..семя жизни Прасковьи Качки было брошено не в плодоносный тук, а в гнилую почву. Каким-то чудом оно дало – и зачем дало? – росток; но к этому ростку не было приложено забот и любви; его вскормили и взлелеяли ветры буйные, суровые выюги и беспорядочные смены стихий...

Здесь на нее ласково взглянул Байрашевский. Бездомное существо, зверек, у которого нет пристанища, дорого ценит привет... Он поехал в Москву, она, как ягненок за маткой, – за ним, не размышляя, не соображая... На взгляд практических людей – она труп смердящий... Сегодня для нее великий день. Бездомная скиталица, безродная, – ибо разве родная – ее мать, не подумавшая, живя целые годы где-то, спросить: а что-то поделявает моя бедная девочка, – безродная скиталица впервые нашла свою мать и родину, Русь, сидящую перед ней в образе представителей общественной совести. Раскройте ваши объятия, я отдаю ее вам. Делайте, что совесть укажет» [4, с. 336-340]. Речь, построенная с использованием фольклорной лексики, где постоянно говорится о тяжелой сиротской доле, вызывала сопереживание по отношению к подсудимой, создавала в умах присяжных образ несчастной, одинокой и беззащитной молодой женщины, которая в силу сложившихся обстоятельств совершила преступление, сама того не желая, находясь в состоянии аффекта. Такая речь не могла не иметь успеха.

А.Ф. Кони для характеристики крайнего напряжения состояния обвиняемого в обвинительной речи по делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем использует прием градации (расположения слов так, чтобы каждое последующее было выразительнее, сильнее предыдущего): «Ему, по характеру его, нужна жена живая, веселая, а Лукерья – совершенная противоположность этому. Охлаждение понятно, естественно. А тут Аграфена *снует*, бегаёт по коридору, поминутно *суется на глаза, подсмеивается* и не прочь его снова завлечь. Она *зовет, манит, туманит, раздражает...*» (выделено мною – О.К.) [1, с. 304].

Одним из эффективных приемов НЛП считается антитеза, но это и риторический прием. Антитеза – риторическая фигура, в которой для усиления выразительности речи резко противопоставляются противоположные явления, понятия и признаки. «Антитеза есть один из самых обычных оборотов в ежедневной речи: ни богу свечка, ни черту кочерга; отвага мед пьет, она же и кандалы трет. Главные достоинства этой фигуры заключаются в том, что обе части антитезы взаимно освещают одна другую; мысль выигрывает в силе; при этом мысль выражается в сжатой форме, и это также увеличивает ее выразительность» [5, с. 77]. Этот прием удачно использовал Ф.Н. Плевако в своей защитительной речи по делу князя Грузинского: «То, что с ним случилось, беда, которая над ним стряслась, – понятны всем нам; он был богат – его ограбили; он был честен – его обесчестили; он любил и был любим, – его разлучили с женой и на склоне лет заставили искать ласки случайной знакомой, какой-то Фени; он был мужем – его ложе осквернили; он был отцом – у него силой отнимали детей и в глазах их порочили его, чтобы приучить их презирать того, кто дал им жизнь» [4, с. 403-404].

Довольно часто в речи судебного оратора используется рефрейминг. Суть рефрейминга состоит в том, что одни и те же факты, явления, события и ситуации можно воспринимать, интерпретировать и освещать по-разному: под разными углами зрения, с разных точек зрения. Давно известна история об оптимисте, который видит стакан наполовину наполненным, и пессимисте, который видит этот же стакан наполовину пустым. Так кто же прав? А правы оба. Разница в том, что люди, которые называют стакан наполовину пустым, в любой ситуации обращают внимание на негативную ее сторону, т.е. видят в ней то, чего не хватает. Другие, которые называют стакан наполовину полным, в любой ситуации обращают внимание на позитивную ее сторону, т.е. на то, что в ней действительно есть. Разные точки зрения на одни и те же объекты окружающей реальности, ситуации, поведение людей – положительны и даже полезны, поскольку помогают оценить их под разными углами зрения.

В качестве иллюстрации полезности рефрейминга в состязательном уголовном процессе можно привести речь Ф.Н. Плевако по делу Максименко, которая обвинялась в отравлении мужа.

Обвинение представило ее как женщину аморального поведения, мотивируя тем, что за ней одновременно ухаживало большое количество женихов. Защита это утверждение опровергла. Для усиления своей аргументации и разрушения аргументации обвинения Ф.Н. Плевако применил рефрейминг, т.е. дал совершенно другую интерпретацию того же поведения обвиняемой и ее жизни: «Обвинитель отмечает, что в течение года было до 30 женихов и что с одним было что-то вроде сговора, – это с каким-то греком, а с другим, судя по письму к ней от него, девушка сама объяснилась в любви, без участия матери. И вот это называют первыми признаками ее нравственной порчи. Но разве это так? Женихи, в такой массе попытавшиеся просить ее руки, свидетельствуют как раз о противном. Значит, она была желанная невеста для многих и не спешила броситься на шею первому искателю. Сговор, не повлекший, однако, к браку, свидетельствует только о том, что она своей девичьей воли не позволила отдать ее без спроса... Письмо моряка, памятное вам по вычурному титулу «многоуважаемая, позволившая назвать себя моей невестой», писанное из Афин в Ростов, к шестнадцатилетней девушке, свидетельствует только о том, что она честью дорожила, и нелегко было вырвать у ней полунамек на готовность вступить в брак, так что искателю ее руки приходится подчеркивать молодой девушке слово, слетевшее с ее языка. И я вас спрошу: неужели это порок?» [4, с. 460].

П.С. Пороховщиков сравнивал искусство судебного оратора с творческой работой актера, писателя, художника. Но в отличие от творчества актера, художника, писателя, судебный оратор не имеет возможности исправить что-либо после своей речи, после судебного заседания. От него зависит дальнейшая жизнь подсудимого, у него нет второго шанса исправить ситуацию.

«Сказать хорошую речь несравненно легче, чем сочинить хорошее стихотворение или написать хорошую картину. Плутарх рассказывает, что по просьбе одного афинянина оратор Лизий составил для него защитительную речь; тот прочел ее и был в восхищении; но через несколько дней он пришел к Лизию и сказал ему: с первого раза речь показалась мне превосходной; но чем больше я ее читал, тем менее она мне нравилась, а теперь она кажется мне ни к чему не годной. – Любезный друг, – ответил Лизий, – ты забываешь, что судьям придется прослушать ее только один раз. Ваятели, художники, поэты творят для всего человечества, для потомства, судебные ораторы – для небольшой судебной залы, для трех судей или двенадцати присяжных; те – навсегда, навеки, эти – на несколько минут. Речь оратора – это отблеск луны на беспокойных волнах потемневшего моря, игра облаков на светлом июньском небе, гроза, прошумевшая над лесом, ветер, пробежавший по степи; это – переходящее, мимолетное, бесследное, а творения Гомера, Праксителя, Рафаэля – это неувядающее, бессмертное, вечное... Но он (судебный оратор) имеет несравненные преимущества в самих условиях его творчества, такие, каких нет ни в одной другой области человеческого искусства. Условия эти: живая речь, живая аудитория, живая, действительная, а не вымышленная драма дела и живое сотрудничество прочих участников процесса» [5, с. 317]. Итак, для убеждения присяжных заседателей и председательствующего судьи, склонения их к своему мнению, побуждения их к принятию соответствующего решения судебные ораторы могут использовать технические приемы нейролингвистического программирования сознания и поведения слушателей, обеспечивающие дополнение, углубление и изменение их нейролингвистических карт (внутренних моделей мира) и направление их мыслей и чувств в нужную для дела сторону, т.е. не навредить выяснению истины. Это объясняется тем, что они гармонизируют деятельность левого и правого полушарий головного мозга и таким образом активизируют происходящие в них нейролингвистические процессы, связанные с восприятием, кодированием в нервной системе и переработкой информации, содержащихся в речи прокурора, адвоката и других участников судопроизводства. Но при всем этом необходимо помнить, что у судебного оратора есть только один шанс, и это обстоятельство говорит о

том, насколько серьезно и ответственно судебный оратор должен подходить к подготовке к делу, к подготовке речи.

П.С. Пороховщиков отмечал в своей работе, что рядовой обвинитель или защитник на суде может сильнее волновать своих слушателей, чем талантливый чтец или актер на эстраде. Актер властвует над своими зрителями: они вместе с ним переживают все драматическое представление; но занавес падает, драма кончается и исчезает как сон. «Судебный оратор – актер в действительной драме; суд – только один из ее грозных актов, и не последний; судьи, присяжные – участники той же драмы, и они до последней минуты не знают, к чему она их приведет, окажется ли комедией или трагедией» [5, с. 320].

Сегодня, думается, можно говорить о разграничении методов НЛП и риторики по их задачам и воздействию. Красноречие прежде всего воздействует на духовность человека, его ценностные ориентации, а значит слушатели свободны в своем выборе. Приемы НЛП имеют задачей внушение, изменение позиций слушателей, манипулирование сознанием слушающих. А манипулирование безнравственно. И это обстоятельство делает актуальным проблему морально-этического облика всех конкурирующих сторон судебного процесса.

-
1. Кони, А.Ф. Избранные произведения. – М.: Юридическая литература, 1980. – 496 с.
  2. Холл, М. НЛП-тренинг. Увеличение ваших способностей. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. – 320 с.
  3. Трунов, И.Л. Искусство речи в суде присяжных: учебно-практическое пособие /И.Л. Трунов, В.В. Мельник. – М.: Высшее образование, 2009. – 664 с.
  4. Плевако, Ф.Н. Избранные речи. – М.: Юридическая литература, 1993. – 544 с.
  5. Сергеич, П. Искусство речи на суде. – М.: Юрайт, 2008. – 395 с.
  6. Сергеич, П. Уголовная защита. Практические заметки – Изд. 2-е, перераб. и доп. – СПб., 1913, – 248 с. (knigosite.org/library).